

Столетия любви | Des siècles d'amour

Автор: Надежда Сикорская, [Женева](#) , 28.08.2015.

<р>Дом, который построил Якоб</р>

Ознакомившись с двумя мужскими прочтениями книги Каталина Дориана Флореску «Якоб решает любить», мы решили предложить вам свое, женское прочтение.

|

Ayant lu deux critiques sur le livre de Catalin Dorian Florescu écrits par des hommes, nous vous proposons une lecture féminine.

Так получилось, что попросив переводчика и специалиста по немецкоязычной литературе Святослава Городецкого написать [рецензию](#) на эту книгу, мы, воспользовавшись несколькими днями отпуска, тоже ее прочитали, начиная со щедрого вступления к русскому изданию, написанного писателем Михаилом Шишкиным. Таким образом, получили возможность сравнить впечатления и то, за что «зацепился глаз» у нас и у двух очень серьезных представителей мужской читательской братии. Оказалось, совсем – ну почти со всем! – за разное.

Начнем с самой обложки книги, содержащей массу информации к размышлению. Во-первых, название – «Яков решает любить». Разве можно решить любить? Разве можно заставить себя безусловно прощать и оправдывать всё, находить очарование в недостатках, подставлять вторую, третью, бесчисленную щеки и не замечать всего этого, упиваясь счастьем? Такой дар всепрощения – дар редчайший. Разве можно «решить» испытать самое прекрасное, именно не поддающееся рациональным решениям чувство, то самое, что «движет солнца и светила» и отличает человека от животного (да простят меня те, кто думают, что собаки, кошки и хомячки тоже любить умеют)? Мы очень в этом сомневаемся, зато убеждены в том, что человек может решить очень многое вытерпеть – как по слабыхарактерности, так и ради поставленной цели. И вот терпения персонажам Флореску точно не занимать, его хватает на много столетий.

Во-вторых, вынесенная на обложку цитата из Шишкина: «Это притча о роде человеческом, который выживает злом, но дышать может только добром». Тут и «библейскость» формулировки, и почти прямой отсыл к Мефистофелю – «Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо». Безусловно, и у Гете (оригинального и в переводе Бориса Пастернака), и Пушкина, и у Булгакова нечистая сила обладает – благодаря гениальности перечисленных авторов – значительной долей привлекательности, но в реальной жизни разве всегда цель оправдывает средства? И персонажи Флореску, и мы, его читатели, по земле ходим, а потому с трудом представляем себе женщину, способную плодить детей и, главное, полюбить (!) человека, «по ошибке» (в данном случае, буквально ошибившись адресом) убившем всю ее семью. Но возможно, страх перед тотальным одиночеством, перед окончанием рода не в теории, а на тебе – страшнее?

ЯКОБ РЕШАЕТ ЛЮБИТЬ

ЭТО ПРИТЧА О РОДЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ, КОТОРЫЙ ВЫЖИВАЕТ ЗЛОМ,
НО ДЫШАТЬ МОЖЕТ ТОЛЬКО ДОБРОМ.

МИХАИЛ ШИШКИН

КАТАЛИН ДОРИАН ФЛОРЕСКУ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР·ЧИТАЕТ ВСЬ МИР

Наконец, последняя строчка на обложке: «Интеллектуальный бестселлер. Читает

весь мир». При всем уважении к К. Д. Флореску, подобное «позиционирование», пожалуй, перебор, да и звучит этот рекламный «завлекунчик» пошловато. Но это уже в огород издателей и оформителей и, безусловно, второстепенно.

Что же касается сути, то, любя жанр семейной саги, мы читали роман с интересом и удовольствием, периодически натываясь на порой неожиданные параллели с ранее прочитанным, увиденным и попросту подсмотренным в жизни. Лишенный английской тонкости «Саги о Форсайтах» Голсуорси и постоянных надрыва, тоски и скорби «Мельница» Чарльза Левински, роман Флореску подкупает именно своей прямолинейностью, порой даже грубоватостью - он словно вырублен топором, вырыт лопатой, что и «соответствует» содержанию, ведь главные герои - крестьяне. И сколько не меняй фамилию, пытаясь выбрать более выгодный вариант (Aubertin гарантирует зачисление во французы, Obertin - в швабы), от судьбы не уйдешь.

На фоне войн, смертей, насилия и просто деревенской грязи особенно ярко выступают три очень разных женских персонажа: Эльза Обертин (представительница некогда знатного и богатого семейства, ради сохранения социального статуса отправляющаяся на заработки в Америку), цыганка-знахарка Рамина, воспитавшая родившегося от насильника сына и в критический момент спасающая ему жизнь, и девочка-сербка Катица, которой не посчастливилось родиться представительницей «этнического меньшинства», как сейчас модно выражаться. Что их объединяет: невероятная воля к жизни, какой бы мучительной она не была; способность любить, у каждой своя; и преждевременная неестественная смерть. То, что Якоб Обертин родился на навозе, многие годы волнует всех, но кто задумался о том, что испытала его мать, давая жизнь в таких условиях, на глазах у всех? Скрежетали ли ее зубы, когда brutальный муж, избранный исключительно ради продолжения рода, отослал ее любимого отца спать в людскую, выгнал из дома сына, заменив его батардом (связанный ею для Якоба свитер - одно из немногих проявлений чувств в романе), преследовал ее попреками за «подозрительное» поведение в Америке? О чем она подумала в последний момент перед тем, как быть раздавленной мельничным жерновом? Сила этих женщин, их выносливость, страшные выпавшие на их долю испытания воскресили в памяти душераздирающий фильм Андрея Смирнова «Жила-была баба...», уже о русской крестьянке.

А что же главный герой, Якоб-младший, Якоб через «с». Родиться на наполненной навозом телеге - не то же самое, что «родиться в рубашке». Может, оттого-то все и пошло наперекосяк в жизни этого хилого не в отца мальчика, предпочитающего компанию покойников - сверстникам, а в качестве игровой площадки использующего кладбище. Якоб изо всех сил хочет любить - родителей, деда, Рамину, Катицу, что удается ему с переменным успехом: кого-то у него отнимают, кто-то отказывается от него сам. Всю жизнь терпящий сомнения отца в том, его ли он сын (тест ДНК тогда не практиковался), и переживший два его предательства с молчаливого согласия матери, переживший смерть деда, любимой девушки, депортацию Рамины и открытие, что «грязный цыганенок» - его сводный брат, переживший путешествие в вагоне для скота, чудом избежавший смерти однажды и обреченный на нее вторично, он не оставляет мечты, пронесенной через всю жизнь, мечты, которую в полной мере способен только беженец, человек, потерявший родной дом, страну, прошлую жизнь, - «построить дом на краю света». И тут Михаил Шишкин безусловно прав, усмотрев в факте беженства родство между автором и его героем. дочитывая книгу, веришь, что свою мечту Якоб осуществит, а уж если ему удалось простить и принять отца, то и другая, большая Любовь к нему обязательно придет.

Роман Каталина Дориана Флореску в переводе А. Кабисова опубликован издательством "Эксмо" (2014). Перевод книги сделан при поддержке Швейцарского совета по культуре "Про Гельвеция".

[отношения сша и швейцарии](#)

Статьи по теме

[Сотни лет одиночества: от Тридцатилетней войны до Второй мировой](#)

Source URL: <http://www.nashagazeta.ch/news/culture/20189>